

ЯЗЫК И СМЫСЛ

ПРОБЛЕМА ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛА И СОВРЕМЕННЫЙ ГЕНЕРАТИВИЗМ

© А. Е. Сериков

Сериков
Андрей Евгеньевич

кандидат философских наук,
доцент

декан философско-
филологического факультета
Самарская
гуманитарная академия

В статье обсуждается новая исследовательская стратегия Н. Хомского — Минималистская программа. Хомский и его последователи различают языковую способность в узком смысле (ЯСУ) и языковую способность в широком смысле (ЯСШ). ЯСУ — это синтаксическая вычислительная система, формирующая высказывания на основе формальных грамматических свойств лексических единиц. ЯСШ включает в себя ЯСУ, сенсорно-моторную систему, систему мышления и лексикон. Фонетические и субстанциональные семантические свойства формальными не являются и просто переносятся лексическими единицами, а затем расшифровываются соответствующими системами. Формирование основ смысла, словообразование, влияние социально-культурных факторов на лексику и лексику на мышление выносятся, таким образом, за пределы новой модели порождающей грамматики. Проблема заключается в понимании того, как грамматика участвует в формировании смысла. Если принять модель генеративистов, специфика порождения речевого акта, в отличие от действия вообще, заключается в дополнительной обработке смысла алгоритмами ЯСУ. Когда действие невербализовано, этот механизм просто не используется.

Ключевые слова: Хомский, генеративизм, генеративная грамматика, Минималистская программа, психолингвистика, смысл, язык, языковая способность, действие, речевой акт, сознание, мышление.

Порождающая (генеративная) грамматика (далее ПГ) является одним из наиболее известных направлений в теоретической лингвистике, а генеративизм в целом — одним из доминирующих подходов не только в языкознании, но психолингвистике, нейрофизиологии и когнитивной науке вообще. Основатель ПГ американский лингвист Ноам Хомский (Ноэм Чомски) — один из

А. Е. Сериков

самых цитируемых авторов за всю историю человечества¹, а его книга «Синтаксические структуры» (1957 г.), с которой начинается история развития ПГ, — одна из самых значительных книг двадцатого века². Некоторые считают генеративизм чуть ли не единственным по-настоящему научным подходом в лингвистике, другие — величайшим заблуждением, но никто не может его игнорировать.

Интерес к ПГ возник у меня в ходе разработки событийной модели социальной реальности³. Если кратко, то моя идея заключается в том, что социальная реальность состоит из событий, которые суть смыслы человеческих действий, извлекаемые из конечных множеств прецедентов (т.е. имевших ранее место образцов) этих событий. Для того, чтобы образцы событий составили множество, из которого извлекается смысл, они должны быть значимы прежде всего на телесном и эмоциональном уровне. И смысл из них извлекается не столько сознанием, сколько тем, что в современной социальной теории называют габитусом⁴. Я предполагаю, что последовательное извлечение смыслов является результатом *рекурсивного* (повторяющегося) действия некоторой относительно простой неосознаваемой процедуры, применяемой габитусом к постоянно обновляемым множествам образцов. Какова именно эта процедура, в настоящий момент сказать трудно, но предположительно она может быть некоторой формой обобщения и распознавания образцов. Возможно, что это не одна, а несколько разных процедур⁵.

¹ «According to a 1992 tabulation of sources from the previous 12 years in the Arts and Humanities Citation Index, Chomsky was the most frequently-cited person alive, and one of the eight most frequently-cited authors of all time.» (Szaby, Z. G. Noam Chomsky // Ernest LePore (ed.), Dictionary of Modern American Philosophers, 1860-1960, Bristol, 2004 // www.chomsky.info/bios/2004— .htm)

² «Ч. Хоккетт, принципиальный противник идей Хомского, тем не менее признал появление «Синтаксических структур» четвертым главным открытием в языкознании за последние почти 200 лет после доклада В. Джонса (1786) об исторической лингвистике, статьи К. Вернера об отсутствии исключений из правил звуковых изменений «Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung» и книги Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики»» (Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 17).

³ См. Сериков, А. Е. Конечность событийных смыслов как основа модели социальной реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». 2006. № 1 (4). (www.samgum.ru/UserFiles/File/Konechnost.doc)

⁴ «...Габитусы — системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непреломное овладение необходимыми операциями по ее достижению» (Бурдые, П. Практический смысл. СПб.: Алетея, 2001. С. 102).

⁵ Общеизвестно, что важным механизмом образования смысла являются обороты речи (тропы). С этой точки зрения в основе формирования множеств прецедентов могут лежать метафора и метонимия как наиболее фундаментальные тропы. См.: Сериков, А. Е. Метафора и метонимия в практическом действии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1.

Естественно, когда задумываешься об извлечении и создании смыслов, прежде всего обращаешь внимание на смыслы высказываний. То есть на смыслы речевых действий, связанных с производством устных или письменных текстов. Это те смыслы, существование которых невозможно без языка. Иногда кажется, что эти смыслы более прозрачны, чем смыслы неречевых действий, и поэтому знание о них можно использовать в теории действия вообще. Однако мы не знаем точно, что такое язык и как он работает⁶. Мы не знаем, каким именно образом человек производит высказывания и извлекает из них смыслы. Языковеды отчаянно спорят об этом и вряд ли в обозримом будущем придут к единым ответам хотя бы на некоторые основные вопросы. Тем не менее, любая лингвистическая гипотеза может быть весьма продуктивна для социальной теории. В этом контексте особый интерес у меня вызывает именно ПГ, поскольку ее постулаты напрямую соотносятся с моими идеями, в чем-то будучи аналогичными, а в чем-то радикально им противореча. Мне важно разобраться, какие из представлений генеративистов могут быть использованы при построении моей модели социальной реальности, какие с ней несовместимы, какие нейтральны; а также в какой мере приемлемы для меня аргументы генеративистов и их теоретических оппонентов.

Основные предпосылки и этапы развития генеративизма

Одна из основных проблем языкознания, как ее видят генеративисты, заключается в том, чтобы объяснить способность человека производить и понимать практически бесконечное число грамматически правильных новых высказываний, опираясь на конечное и довольно ограниченное множество высказываний, с которыми он уже встречался на протяжении жизни. С момента возникновения ПГ и по сегодняшний день генеративисты исходят из гипотезы, что высказывания производятся путем рекурсивного применения к уже известным словам и выражениям некоторого конечного числа правил. Предполагается, что эти правила являются врожденными, в том смысле, что они биологически закодированы и их реализация является естественной функцией головного мозга. В ранних версиях ПГ речь шла именно о правилах, в более поздних — о некоторых универсальных принципах, однако суть сохранилась: конечное число принципов применяется к конечному множеству высказываний на входе и дает бесконечное число высказываний (а значит, и смыслов) на выходе. Основная задача ПГ — формальное описание этих принципов, в связи с чем ее рассматривают как разновидность формальной лингвистики, в отличие от лингвистики функциональной, желающей понять зависимость языковых форм от целей и контекста речевой деятельности.

Генеративизм — это подход в лингвистике, рассматривающий язык прежде всего в качестве инстинкта, в то время как функционалисты видят в языке по преимуществу социально-культурное явление, объясняе-

⁶ Интересно, что некоторые лингвисты, наоборот, предлагают социологическое знание о смысле действия использовать в теории языковых выражений. Такой метод применяется в дискурсивных теориях языка вообще и в этнометодологических подходах в частности.

мое обучением, подражанием, обобщением, передачей опыта. При этом даже генеративисты признают, что некоторая часть языковых явлений не есть следствие работы врожденных программ. То есть спор ведется о том, существуют ли в принципе врожденные языковые программы или их нет вообще. Но никто не утверждает, что в языке вообще все — инстинкт. Например, Стивен Пинкер, автор бестселлера «Язык как инстинкт», видит в языке биологическое приспособление для передачи информации, но считает, что язык не направляет ход мыслей⁷. Хомский, не связывая эволюцию языка с функцией передачи информации, исходит из существования врожденной человеческой способности к рекурсии (в частности, к синтаксису и операциям с числами), но выносит за ее пределы знание лексикона и собственно мышление. Поэтому, как минимум, часть языковых явлений объясняется социально-культурными факторами и передачей опыта от одних людей к другим. Такое утверждение не будет противоречить ни одной из существующих лингвистических теорий⁸.

В своем развитии ПГ прошла несколько этапов, которые обычно связывают с появлением новых книг Хомского. Однако следует иметь в виду, что ПГ развивается не только лично Хомским, но многочисленными его последователями, а также то, что внутри самой ПГ существует множество дискуссий, непримиримых позиций и представлений о том, как ПГ должна развиваться в дальнейшем. Первоначально была разработана так называемая Стандартная теория, внутри которой выделяют модель «Синтаксических структур» (по имени первой книги Хомского, вышедшей в 1957 г.) и модель «Аспектов» (изложенная в книге Хомского «Аспекты теории синтаксиса» 1965 г.). Затем появляется Расширенная стандартная теория, основные положения которой изложены Хомским в «Заметках о номинализации» в 1970 г. В течение 1970-х гг. формируется новый подход, изложенный Хомским первоначально в так называемых Пизанских лекциях 1979 г, а затем в монографии «Лекции об управлении и связывании» 1981 г. Новый подход стал называться Теорией параметров и принципов или, по названию лекций, Теорией управления и связывания. Опираясь на эту теорию, в начале 1990-х гг. Хомский формулирует новую исследовательскую стратегию, изложенную в книге «Минималистская программа» в 1995 г. Хомский специально подчеркивает, что это именно программа исследований, а не новая теория, как это было воспринято многими. Тем не менее в рамках этой программы происходит пересмотр многих теоретических представлений ПГ, выдвигаются новые гипотезы, и поэтому Минималистская программа (МП) несомненно является новым существенным этапом в развитии ПГ.

⁷ См.: Пинкер, С. Язык как инстинкт. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

⁸ Для меня важно подчеркнуть, что наряду с дискуссионной областью утверждений о языке существует область утверждений, с которыми все согласны. Включение последних в социальную теорию в качестве отправных пунктов не требует явного принятия той или иной лингвистической теории в качестве предпосылки, в то время как принятие дискуссионных утверждений вынуждает социального теоретика включаться в область узкопрофессиональных споров лингвистов и нейрофизиологов.

Когда я попытался разобраться в ПГ, то столкнулся с проблемой доступности текстов по МП. Стандартная и расширенная стандартная теории, а также Теория параметров и принципов в отечественной литературе описаны достаточно подробно, доступны некоторые соответствующие тексты Хомского и других генеративистов⁹, так что неспециалист в лингвистике вполне может самостоятельно освоить основные идеи. А вот МП, как правило, описывается лишь вкратце, без развернутых примеров, а соответствующие оригинальные тексты малодоступны. Лично мне показались полезными статья Хомского «Язык и разум: Современные рассуждения о древних проблемах», размещенная на сайте Казанского университета¹⁰, статьи Хомского с соавторами об эволюции языковой способности, размещенные на сайте Гарвардского университета¹¹, материалы Кенни Хьюена на сайте «Хомский для философов»¹², а также вводная глава Адрианы Беллети и Луиджи Рицци в книге «О природе и языке»¹³. На этой основе у меня выработалось некоторое собственное представление о ПГ на ее современном этапе развития, которое я и изложу ниже. Мой интерес именно к МП связан с тем, что более ранние идеи генеративистов во многом опровергнуты ими самими, а не только их критиками. Причем именно старые идеи генеративистов часто критикуются многими их оппонентами и сегодня, что абсолютно бессмысленно. Поэтому я затрону их лишь в минимальной степени, чтобы затем перейти к современной ПГ.

Ранние представления генеративистов о работе языка

В основе Стандартной теории лежало представление о различении *глубинной структуры* и *поверхностной структуры* предложения, а также о том, что существует ограниченное число неосознаваемых обычным человеком правил, с помощью которых создаются глубинные структуры (это так называемые *правила структуры составляющих* или *правила пе-*

⁹ На русском языке см.: *Хомский, Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962; *Хомский, Н.* Логические основы лингвистической теории. // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1965; *Хомский, Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972; *Хомский, Н.* Язык и мышление. М. 1972; *Хомский, Н.* Язык и проблема знания // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 4, 6; 1996. № 2, 4, 6; *Хомский, Н.* Язык и мышление. Язык и проблемы знания. Благовещенск, 1999; *Хомский, Н.* Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка. М. : Едиториал УРСС, 2004; Язык и наука конца XX века. М. : РРГУ, 1995; Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М. : Едиториал УРСС, 2002.

¹⁰ *Chomsky, N.* Language and Mind: Current Thoughts on Ancient Problems (Paper presented at University de Brasilia, November 25, 1996) // www.ksu.ru/eng/science/fccl/papers

¹¹ *Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W.T.* The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // *Science*. Vol.298. November 22, 2002; *Fitch W.T., Hauser M.D., Chomsky N.* The Evolution of the Language Faculty: Clarifications and Implications // *Cognition*. 97 (2005) // www.wjh.harvard.edu/~mknkylab

¹² *Huen, K.* The Basis of Language: The Human Mind/brain // www.personal.kent.edu/~prohanbr/Webpage/New/Huen

¹³ *Хомский, Н.* О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». М. : КомКнига, 2005.

реписывания), и *правил трансформации*, преобразующих глубинные структуры в поверхностные. В связи с исследованием последних правил ПГ долгое время также называлась *Трансформационной грамматикой*. В целом ПГ на этом этапе определяется Хомским как «система правил, которая соотносит сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов»¹⁴. Грамматика приписывает предложению синтаксические описания, которые определяют как его семантическую интерпретацию, так и фонетическую форму. Глубинная структура предложения — это та часть синтаксического описания, которая определяет семантическую интерпретацию, а поверхностная структура — та его часть, что обуславливает фонетическую форму. Одной и той же поверхностной структуре может соответствовать несколько разных глубинных структур, и наоборот. Например, англоязычная фонетическая форма “*The police were ordered to stop drinking after midnight*” может соответствовать четырем разным смыслам, различия между которыми и должны быть зафиксированы в соответствующих глубинных структурах.

Общая схема работы языка в рамках Стандартной теории выглядела примерно следующим образом: правила грамматики являются врожденными и человек применяет их бессознательно; при производстве предложений сначала на основе правил переписывания и с использованием доступного лексикона формируется глубинная структура предложения, а затем с помощью правил трансформации — поверхностная структура; при восприятии услышанного (прочитанного) предложения поверхностная структура трансформируется в глубинную, которая затем понимается на уровне смысла. При этом под правилами подразумевались прежде всего синтаксические правила. Расширенная стандартная теория включает в себя также правила семантической интерпретации и лексические правила, поэтому она известна под названиями «интерпретивизм» и «лексикализм». В целом Стандартная и Расширенная стандартная теории описывали большое количество правил конкретных языков, которые довольно существенно отличались друг от друга, что входило в противоречие с предположением генеративистов о существовании универсальной врожденной грамматики. Методологическое требование *описательной адекватности* приводило к умножению правил для того, чтобы ПГ максимально точно отражала факты реального использования языков, а методологическое требование *объяснительной адекватности* заставляло искать принципы *универсальной грамматики* (УГ), обобщая и ограничивая конкретные правила.

Это противоречие разрешилось в Теории параметров и принципов (Теории управления и связывания), которая полностью отказывается от идеи лингвоспецифических правил и постулирует принципы УГ, действующие во всех человеческих языках. Теория состоит из модулей, каждый из которых посвящен нескольким принципам. Основными считаются следующие модули: *X-штрих теория*, описывающая базовую структуру предложения; *теория ограничивания*, описывающая возможности перемещения

¹⁴ *Хомский, Н.* Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 104.

элементов внутри предложения; *теория управления*, описывающая отношения зависимости между элементами предложения; *теория надежды*; *теорема*, описывающая тематические отношения между глаголами и их аргументами; *теория связывания*, описывающая отношения прономинатов, анафоров и имен с их референтами¹⁵. Грамматика каждого конкретного языка образуется, согласно этой теории, путем выбора того или иного параметра, допускаемого универсальными принципами. Ребенок от рождения владеет УГ и в ходе усвоения родного языка постепенно настраивается на его параметры. Например, согласно *принципу обязательности подлежащего* считается, что в предложениях всех языков обязательно содержится синтаксическое подлежащее, но соответствующий параметр одних языков (например, английского) требует его обязательной фонетической реализации, а параметр других языков (например, русского) допускает, чтобы оно было фонетически пустым. Поэтому по-английски нужно сказать “It rains” и нельзя сказать “Has telephoned”, а по-русски можно сказать просто “Моросит”, “Позвонил”. Другой пример параметризации — установка типичной для того или иного языка последовательности слов в предложении. Скажем, в английском и французском это SVO (подлежащее-глагол-дополнение), а в ирландском — VSO (глагол-подлежащее-дополнение). Первоначально маленький ребенок готов воспринимать язык с любыми параметрами, но постепенно «забывает» те возможности, которые не используются в его родном языке.

МП является дальнейшим шагом на пути обобщения порождающих грамматических правил: число действующих принципов сокращается; вводится запрет на факультативные, т. е. не объясняемые никакими принципами перемещения элементов предложения; вводится принцип полной интерпретации всех элементов предложения. Вместе с тем некоторые особенности конкретных грамматик объясняются спецификой лексикона, который выводится за пределы УГ.

Понятие языка и архитектура языковой способности

Для того, чтобы описать механизм действия языка в представлении современных генеративистов, следует более точно определить понятие языка. Прежде всего, принято различать понятия *I-language* и *E-language*. Первое понятие обозначает внутреннее состояние (*inner state*) индивидуального (*individual*) сознания, внутренний (*internal*) механизм, порождающий на основе интенции (*intension*) бесконечное число структурированных по определенным грамматическим правилам предложений¹⁶. Поскольку члены какого-либо языкового сообщества говорят примерно на одном и том же язы-

¹⁵ Анафорами называют возвратные и взаимные местоимения (себя, самого себя, свой, друг друга); прономинатами называют личные местоимения (я, ты, мы, меня, тебя и т. п.). Имена по-другому называют референциальными выражениями. Референты — это предметы (лица), обозначающиеся именами и местоимениями.

¹⁶ Я привожу все эти английские слова на “I”, потому что не знаю, как правильно перевести на русский “I-Language”. В литературе обычно используют термин «внутренний язык», см., например: Хомский Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». М.: КомКнига, 2005.

ке, понятие *I-language* также обозначает какой-либо конкретный человеческий язык, в отличие от УГ. Понятие *I-language* предполагает, что языковая способность зависит от строения мозга, и поэтому, в конечном счете, существует только одно истинное множество грамматических правил, поиском которого и должны заниматься лингвисты. Понятие *E-language* предполагает, что язык не зависит от свойств мозга и определяется внешними (*external*) факторами. При этом считается, что грамматика является социальным конструируемым артефактом и различные грамматики могут одинаково хорошо описывать одни и те же предложения языка. Такие взаимозаменяемые грамматики называют экстенционально эквивалентными (*extensionally equivalent*). С точки зрения Хомского, лингвисты должны изучать природу языка, естественные законы его функционирования, а не социальные артефакты. Поэтому он и другие генеративисты ориентируются на концепцию *I-Language*, в отличие от *E-language*.

Еще более важно различать понятие *языковой способности в широком смысле* (*faculty of language — broad sense*) и понятие *языковой способности в узком смысле* (*faculty of language — narrow sense*). Языковая способность в узком смысле (ЯСУ) — это как раз та способность человеческого мозга¹⁷, моделировать которую пытаются генеративисты. Предполагается, что «ключевым компонентом ЯСУ является вычислительная система (узкий синтаксис), которая порождает внутренние репрезентации, преобразуя их для сенсорно-моторного интерфейса с помощью фонологической системы и для концептуально-интенционального интерфейса — с помощью (формальной) семантической системы»¹⁸. Именно в таких выражениях Хомский и его соавторы описывают возможные компоненты ЯСУ: наряду с системой рекурсивных синтаксических вычислений в нее включаются фонологическая и формально-семантическая системы. В целом ЯСУ характеризуется как внутренняя вычислительная система языка, обеспечивающая рекурсивное применение к языковым выражениям закодированных в ней операций. При этом именно ЯСУ рассматривается как *специфически человеческая способность*, делающая человеческий язык принципиально отличным от языка животных. Предполагается, что именно отсутствие органа ЯСУ у высших приматов и других животных, которых пытались обучать человеческим языком, является причиной отрицательных результатов подобных экспериментов¹⁹. Что же касается способности к звуковому подра-

¹⁷ В текстах генеративистов речь всегда идет именно о головном мозге, в котором предположительно и находится орган ЯСУ. Но думаю, никто из них не стал бы возражать, если бы выяснилось, что носителем ЯСУ является нервная система в целом. Проблема в другом: несмотря на активные исследования, никто пока не смог точно локализовать ЯСУ, что в качестве аргумента используют ученые, выступающие против идеи о врожденности языка.

¹⁸ Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W.T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. Vol.298. November 22, 2002 // www.wjh.harvard.edu/~mnkylab. P. 1571.

¹⁹ Некоторые животные в этих экспериментах достигали уровня двухлетнего ребенка, т. е., как это интерпретируют генеративисты, дограмматического уровня владения языком. Наиболее успешные животные, как и маленькие дети, могут изъясняться на чем-то, подобном пиджину. (Пиджинами называют жаргоны, на которых

жанию, категориальному восприятию и мышлению, смещенной референции и иным взаимосвязанным с языком способностям, то они рассматриваются как доступные не только человеку, но и некоторым животным²⁰.

Всякое языковое выражение является объединением звучания (а точнее, внешнего выражения) и значения, поэтому ЯСУ должна взаимодействовать, как минимум, с двумя другими языковыми системами: *артикулярно-перцептивной* (сенсорно-моторной) системой и *концептуально-интенциональной* системой (системой мышления). Эти две системы и ЯСУ в совокупности составляют языковую способность в широком смысле (ЯСП). В рамках МП теория ЯСУ разрабатывается, исходя из ограничений, накладываемых интерфейсами указанных двух систем: языковое выражение должно независимо читаться с точки зрения звука и с точки зрения смысла. В языковую способность также входит лексикон, т. е. индивидуальный словарь данного носителя языка. Является ли он независимым модулем или входит в концептуально-интенциональную систему, не вполне ясно. Очевидно лишь то, что в рамках МП лексикон рассматривается как источник тех слов, на основе которых ЯСУ формирует внутренние репрезентации. Т.е. лексикон не входит в ЯСУ. Соответственно все, что связано со словообразованием, влиянием социально-культурных факторов на лексику и влиянием лексики на мышление, выносится за пределы модели П.

Архитектура языковой способности описывается как *всепо лишь рабочая гипотеза*. Хомский допускает, что в ЯСП могут входить также и другие системы, о которых в настоящее время ничего конкретного не известно, а также что указанные системы могут оказаться разделенными на относи-

общаются практически взаимодействующие люди, лишенные возможности выучить языки друг друга или какой-нибудь полноценный язык-посредник; одна из особенностей пиджина — отсутствие развернутой грамматики.) Аналогично, некоторые животные могут понимать простейшие числа и владеть простейшим счетом, но не в состоянии перейти к рекурсивным операциям с числами. Подробное позитивное описание экспериментов и обзор дискуссий по проблеме см.: Зорина З. А., Полетаева И. И. Зоопсихология: элементарное мышление животных : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2001; Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? / предисл. А. Д. Кошелева, послесл. Вяч. Вс. Иванова и А. Д. Кошелева. М. : Языки славянских культур, 2006. Критический взгляд на способность животных изложен в книге С. Пинкера «Язык как инстинкт», а также в статье Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. Vol. 298. November 22, 2002.

²⁰ Наличие элементарного интеллекта доказано у высших птиц, высших приматов и, возможно, ряда морских млекопитающих. См. выше ссылку на книги Зориной З. А. с соавторами. Очевидно, что птицы способны к звуковому подражанию. Категориальное восприятие обнаружено у шиншиллы, макаки и птиц; предполагается, что оно свойственно всем теплокровным вообще, об этом пишет сам Хомский с соавторами, см. ссылку выше. Смещенная символическая референция является свойством языка пчел и, возможно, муравьев. Про коммуникацию у муравьев см.: Резникова Ж. И., Рябко Б. Я. Передача информации о количественных характеристиках объекта у муравьев // Журнал высшей нервной деятельности. 1995. Т. 45. № 3. С. 490—499. Резникова Ж. И., Рябко Б. Я. Интеллект муравьев // Диалоги / А. Г. Гордон [3]. М. : Предлог, 2005.

тельно независимые модули. Возьмем, говорит он, «несложный случай: сенсорно-моторный интерфейс. Всегда было принято считать, что такой существует, однако это отнюдь не очевидно. Возможно, что существуют различные интерфейсы для артикуляции и восприятия, и, более того, не очевидно, что как для артикуляции, так и для восприятия есть только по одному интерфейсу»²¹.

При этом, если работу органов перцепции и артикуляции мы можем хоть как-то представить, то работа мышления — это действительно сложный случай. Очевидно, что человек как-то мыслит, что мышление связано с языком, но существует не только вербализованное, но и образное, чувственное, телесное мышление. Все остальное — область предположений и дискуссий: «Еще там где-то находится какая-то система мышления (формирования понятий, интенций и т. д.). Сюда относится то, что традиционно называется «общими понятиями» или «врожденными идеями». Также, может быть, анализ в терминах того, что называется «наивной психологией», интерпретация действий людей в терминах убеждений и желаний, узнавание вещей в мире и того, как они двигаются, и т. д. Ну и надо полагать, что все это не находится всецело в зависимости от языка...»²²

Проблема «языка мышления»

Серьезная проблема, с моей точки зрения, заключается в понимании того, как *грамматика участвует в формировании смысла*. Если ЯСУ лишь оформляет грамматически мысли, сформировавшиеся за ее пределами, то система мышления либо использует какой-то собственный аналог грамматики, либо обходится без грамматики вообще. В первом случае теряет смысл выделение ЯСУ в отдельный модуль, поскольку за ее пределами должен функционировать еще один вычислительный механизм, за его пределами — еще один, и т. д. Во втором же случае возникает парадоксальная задача представления целостной мысли вне какой-либо упорядоченной связи ее компонентов. То есть либо должен существовать какой-то невербальный аналог грамматики для связи отдельных ощущений, образов и действий, но тогда грамматика не является свойством языка в узком смысле; либо грамматика вносит существенный вклад в мысль на стадии ее вербализации, но тогда она не может быть просто инструментом оформления мысли, не зависимым от контекста и других функциональных аспектов высказывания.

В целом генеративисты исходят из интуитивного представления о «семантическом замысле», который репрезентируется в языковом выражении, но не считают необходимым подробно рассматривать вопрос о том, как он может формироваться без участия грамматики. Отсюда возникает странная смесь представлений о том, что довербальное мышление может быть образным, но при этом использовать некий язык мысли, состоящий из невербальных символов, однозначно соотносимых со своими референта-

²¹ Хомский, Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». М. : КомКнига, 2005. С. 229.

²² Там же. С. 158.

ми. При этом считается, что возможен перевод с «мыслекода» на естественный язык, который и осуществляется во время речи.

Однако действие, эмоция, ощущение, невербальный образ не могут однозначно интерпретироваться словами языка. Допустим, вербальное выражение развертывает в последовательную цепочку символов тот смысл, который изначально был дан в едином свернутом образе или ощущении. Смысл при этом будет частично изменяться и, следовательно, зависеть от грамматики. Хорошо известно, что однозначный перевод невозможен даже с одного естественного языка на другой.

Но генеративисты этой проблемы как будто не замечают. Например, Пинкер пишет следующее: «Всем нам случалось произнести или написать некое предложение, а потом остановиться, сообразив, что это отнюдь не то, что мы хотели сказать. Для появления такого чувства необходимо, чтобы было то, “что мы хотели сказать”, отличное от того, что мы сказали. Порой далеко не просто найти *любые* слова, в полной мере выражающие мысль. Когда мы слышим или читаем, мы обычно запоминаем смысл, а не сами слова, так что должна существовать такая вещь, как смысл, который не есть то же самое, что и набор слов. И если бы мысли зависели от слов, как вообще можно было бы создавать новые слова? Как мог бы ребенок выучить свое самое первое слово? Как бы существовала возможность перевода с одного языка на другой?»²³

Пинкер приводит примеры известных естествоиспытателей, которые мыслили не словами, а пространственными образами. Действительно, можно мыслить именно так, выражая затем результаты на языке математических формул. Но, во-первых, в пространственных отношениях уже присутствует некая логика, которая может быть развернута в математическом высказывании по правилам, в чем-то аналогичным правилам грамматики. Во-вторых, язык математики специально создавался для подобных целей. В-третьих, творческое мышление невозможно осуществлять в рамках формальной логики, скорее логику можно разрабатывать и применять задним числом для описания уже полученных результатов. В-четвертых, истолковывать математическое выражение при помощи естественного языка можно лишь метафорически. Пинкер же считает, что человеческий мозг действует на манер машины Тьюринга, т. е. компьютера, работающего на основе формально-логической программы. В качестве примера он описывает, как машина может делать умозаключения в форме простого категорического силлогизма («Все люди смертны, Сократ — человек, следовательно, он смертен»). «В мозгу могут находиться три группы нейронов, одна из которых соответствует той особи, о которой идет речь (Сократ, Аристотель, Род Стюарт и т. д.), другая представляет логическое соотношение в предположении (если... то..., если не..., то... и т. д.). Каждое понятие будет соответствовать возбуждению определенного нейрона... Процессор может быть сетью других нейронов, проникающих во все эти группы...»²⁴

²³ Пинкер, С. Язык как инстинкт. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 47—48.

²⁴ Там же. С. 65.

Насколько я могу судить, Хомский тоже всегда допускал возможность существования некоего «языка мысли», но *воздерживался от необоснованных высказываний* о нем, предпочитая исследовать язык как таковой. Джудит Грин, подробно обсуждающая психолингвистические модели порождения речи в контексте Стандартной теории ПГ, говорит о Хомском, что он «совершенно игнорирует эту проблему, считая, что грамматическая теория языковой способности не должна одновременно служить моделью процессов порождения и восприятия речи»²⁵.

Очевидно, что на ранних стадиях развития ПГ в качестве своеобразного интерфейса на границе языка и довербального мышления рассматривалась глубинная структура предложения, которую в принципе можно было свести к множеству так называемых ядерных выражений, логически соответствующих простым суждениям. При этом дискутировался вопрос о том, как именно глубинная структура предложения соотносится с его семантикой. «Может показаться, — пишет Грин, — что адекватной является не *одноуровневая* теория, анализирующая только поверхностную структуру, и не *двухуровневая* модель глубинной и поверхностной структур, а скорее модель с *тремя уровнями*, включающая семантическую репрезентацию “замысла”, синтаксические отношения в глубинной структуре и окончательное расположение слов в поверхностной структуре. Есть и другая точка зрения ..., что психологически уровень глубинной структуры не имеет самостоятельного статуса, потому что анализ на этом уровне полностью определяется “ключами” поверхностной структуры и знаниями структурных характеристик значений слов»²⁶.

В конце 1960-х годов имела место дискуссия Хомского и Нельсона Гудмана по проблеме врожденности языка. Гудман предлагает мысленный эксперимент: придумать «плохой» язык, не соответствующий предполагаемой генеративистами врожденной структуре, и попытаться обучить ему новорожденных детей в качестве первого языка. Если генеративисты правы и врожденная грамматика реальна, то дети не смогут обучиться такому языку. Сам же Гудман считает, что дети смогут обучиться любому языку, поскольку любой первый язык будет вторичен по отношению к довербальной символической системе. «...До усвоения языка человеку приходится серьезно практиковаться в создании и использовании зачаточных доязыковых символических систем, в которых роль знаков играют жесты и всевозможные сенсорные и перцептивные явления... Усвоение первичного языка — это усвоение вторичной символической системы; и поскольку мы не обнаруживаем никаких интересных ограничений на то, что мы можем усвоить в качестве вторичного языка, у нас нет оснований полагать, что подобные ограничения накладываются на то, что мы можем усвоить в качестве вторичной символической системы»²⁷.

²⁵ Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976 // <http://pedlib.ru/Books/3/0009/index.shtml>

²⁶ Там же.

²⁷ Гудман, Н. Эпистемологический спор // Философия языка. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 193—194.

Хомский в ответ пишет, что нет никаких оснований верить в наличие у доязыковых символических систем специфических грамматических характеристик, таких как различие глубинной и поверхностной структур или свойства грамматических трансформаций. «Если бы можно было показать, что эти доязыковые символические системы разделяют определенные значительные свойства с естественным языком, мы могли бы тогда утверждать, что эти свойства естественного языка усваиваются по аналогии. Конечно, мы тогда столкнулись бы с проблемой объяснения того, как доязыковые символические системы приобретают такие свойства. Но поскольку никто еще не смог показать, что эти фундаментальные свойства естественного языка... имеются у доязыковых символических — либо каких-то других — систем, эта проблема не встает»²⁸.

Спустя четверть века, когда ПГ отказалась и от правил трансформации, и от понятий глубинной и поверхностной структуры, высказывания Хомского о довербальном мышлении во многом остались прежними. Рассуждая в лекции 1996 г. об эволюции языка, он предлагает представить на уровне «просто истории» (just so story, fable, suggestive speculation) древнего примата, обладавшего всеми ментальными способностями человека, за исключением языка. «Это существо имело такие же, как и у нас, способы организации восприятия, верования и желания, надежды и страхи в той мере, в какой они не были сформированы или опосредованы языком. Возможно, оно имело “язык мысли”..., но у него не было способов формирования языковых выражений, связанных с порождаемыми на этом LINGUA MENTIS мыслями»²⁹. То есть, с одной стороны, Хомский все неподтверждаемые рассуждения рассматривает как спекулятивные предположения, имеющие лишь эвристическую ценность. С другой стороны, он в принципе допускает существование мыслей, верований, намерений, не оформленных грамматически. А о том, что происходит во время грамматического оформления со смыслом, он не высказывается.

В интервью 1999 г. Хомский говорит следующее: «В действительности, никто не имеет каких-то особых представлений о вычислительных процессах непосредственно за пределами языковой способности. Можно сказать, что есть язык мышления или что-то подобное, есть понятия и пр., но в системе внеязыковой способности никогда не было никакой структуры. Ну и может быть, это как раз и есть начало открытия какой-то структуры прямо на грани, применяющей операции, похожие на внутренние операции, но, вероятно, не точно такие же. Свойства у них другие»³⁰. Здесь, как мы видим, Хомский уже допускает наличие некоего довербального аналога грамматики, но подчеркивает приблизительность этой аналогии. Он по-

²⁸ Chomsky, N. Language and Mind. Massachusetts Institute of Technology. Harcourt, Brace & World, Inc, 1968. P.71.

²⁹ Chomsky, N. Language and Mind: Current Thoughts on Ancient Problems (Part II) (Paper presented at University de Brasilia, November 25, 1996) //www.ksu.ru/eng/science/fcl/papers

³⁰ Хомский, Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». М.: КомКнига, 2005. С. 231. (Языковая способность, о которой здесь идет речь, — это ЯСУ.)

прежнему считает, что язык — это уникальная система со специфическими свойствами.

Представления о работе языка в рамках минималистской программы

Согласно Хомскому, МП исходит из трех базовых предположений:

1) Существуют единицы языка, подобные словам (word-like units).³¹

2) Эти единицы составляют более крупные выражения.

3) Языковые выражения объединяют звучание и значение, т. е. фонетические и семантические свойства (features), и должны удовлетворять условию интерпретируемости (legibility) с точки зрения этих свойств.

Поэтому язык, как минимум, имеет дело, во-первых, с фонетическими и семантическими свойствами; во-вторых, с лексическими единицами (lexical items), собранными из этих свойств; в-третьих, со сложными выражениями, сконструированными из элементарных лексических единиц. «Отсюда следует, что порождающая выражения вычислительная система включает две основные операции: первая собирает свойства в лексические единицы, вторая формирует большие синтаксические объекты из тех, что уже сконструированы, начиная с лексических единиц»³².

С точки зрения интерпретируемости лексических единиц составляющие их свойства можно подразделить на семантические, прочитываемые концептуально-интенциональным интерфейсом; фонетические, прочитываемые сенсорно-моторным интерфейсом; и такие свойства, которые не интерпретируются ни одним из интерфейсов. С другой стороны, все свойства можно подразделить на те, что используются в синтаксических вычис-

³¹ Проблема понимания сущности слова и того, является ли оно базовой единицей языка, не имеет однозначного решения и обсуждается в научной литературе. См., например: Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: КомКнига, 2006. С. 35—63.

³² Chomsky, N. Language and Mind: Current Thoughts on Ancient Problems (Part II) (Paper presented at University de Brasilia, November 25, 1996) //www.ksu.ru/eng/science/fcl/papers. Термин «вычислительная система» в этой фразе Хомского неоднозначен, что связано с общей неопределенностью статуса лексикона относительно других систем языка с точки зрения МП. С одной стороны, Хомский в приведенной цитате пишет про вычислительную систему, формирующую единицы лексикона. С другой стороны, в более поздних текстах пишет о том, что ЯСУ — это синтаксический механизм, формирующий внутренние репрезентации на основе лексикона, но ничего не говорит о формировании этим же механизмом самого лексикона. Опираясь на совокупность всех текстов, на которые ссылался выше, я исхожу из интерпретации, согласно которой лексикон формируется независимо от ЯСУ. Если лексикон и составляемые из его единиц репрезентации формируются на основе единого алгоритма одного и того же механизма, то все минималистские идеи, излагаемые в этом разделе, как мне кажется, теряют какой-либо смысл. Поэтому в приведенной цитате речь идет, скорее всего, не о двух операциях единой вычислительной системы, а об операциях двух разных систем. Терминологическая неточность здесь может быть связана с жанром устной лекции. Так, ниже в этой лекции Хомский говорит о двух основных операциях уже синтаксической вычислительной системы (т. е. ЯСУ) — Merge и Move, а затем о них же, заменив название Move на более точное Attract. То есть в этой лекции Хомский как бы рассуждает вслух и по ходу дела уточняет терминологию.

лительных операциях, — их называют *формальными* — и те, что в этих операциях не используются. Формальные свойства включают: *категорию* (существительное, прилагательное, глагол, предлог, союз, артикль, местоимение и др.), *ц-свойства* (лицо, род, число), *падеж* и свойства *согласования*. Фонетические и субстанциональные семантические³³ свойства формальными не являются, они в вычислениях не используются, но переносятся лексическими единицами и затем расшифровываются соответствующими интерфейсами.

Таким образом, лексические единицы — это сочетания значения и звучания, соединенные с морфологическими характеристиками, указывающими на их формальные свойства. Раньше генеративисты считали, что лексикон составляет семантически значимые основы слов, которые в ходе формирования высказывания изменяются и дополняются флексиями таким образом, чтобы грамматически сочетаться друг с другом. В настоящее время генеративисты предпочитают гипотезу, согласно которой лексикон составляют единицы, уже полностью оформленные морфологически в соответствии с их формальными свойствами. Т.е. лексикон включает все варианты склонений, спряжений, времен, рода, числа и т. п. С этой точки зрения, большинство грамматических ошибок, совершаемых детьми, иностранцами или малообразованными людьми, следует объяснять не спецификой работы их ЯСУ, а спецификой иностранного, диалектного или детского лексикона³⁴.

Производство (деривация) высказывания предположительно состоит из нескольких последовательных этапов. Сначала формируется множество (numeration) N выбранных из лексикона единиц, которое затем преобразуется в ходе вычислений в *фонетическую форму* (ФФ), направляемую на сенсорно-моторный интерфейс, и *логическую форму* (ЛФ), направляемую на концептуально-интенциональный интерфейс. На первом этапе вычислений происходит *явное* (overt) формирование из лексических единиц множества N первоначального синтаксического объекта, который затем разделяется на ФФ и ЛФ. После этого ФФ озвучивается. В ходе *озвучивания* (Spell-Out) фонетические свойства лексических единиц интерпретируются сенсорно-моторным интерфейсом и *отбрасываются* (strip away). Дальнейшие операции являются *скрытыми* (covert). Суть их — в доработке ЛФ, которая после завершения деривации должна содержать только семантические свойства. Согласно *принципу полной интерпретации*, вычисления продолжаются, пока все формальные свойства не будут *лицензированы*, т.е. взаимно *сверены* (checked) и *стерты* (erased).

В вычислениях применяются две основные операции: Merge и Attract (Move). Суть *первой* из них — в формировании нового синтаксического объекта

³³ Субстанциональным называется значение понятия (или концепта, или множества прототипов), выражаемого данным словом в его разных грамматических вариантах. Например, слова «стол» и «стола» имеют общее субстанциональное значение, а также несубстанциональные значения единственного и множественного числа.

³⁴ Например, слово «собака» в русском языке женского рода, а в украинском — мужского, поэтому украинец, говорящий по-русски, может сказать: «Ко мне *пришел* собака». Аналогично, моя четырехлетняя дочь однажды сказала: «Я *видела* лошадь», имея в виду коня.

путем *сцепления* двух исходных лексических единиц (или сцепления лексической единицы и уже сформированного частичного синтаксического объекта). Суть *второй* операции — в явном или скрытом *перемещении* свойств, лексических единиц и частичных синтаксических объектов в то место в предложении, где соответствующие свойства могут быть лицензированы³⁵. Генеративисты также называют операцию Select, выбирающую объект, который будет присоединяться с помощью операции Merge или перемещаться с помощью операции Attract; однако операция Select рассматривается как вспомогательная.

Если в результате вычислений исходное множество N преобразуется в ФФ и ЛФ таким образом, что неинтерпретируемых свойств не остается, говорят, что деривация *сходится* (converge), если неинтерпретируемые свойства остаются — *не сходится* (crash). Для того, чтобы деривация была *приемлемой* (admissible), она должна не только сойтись, но и удовлетворять *условиям экономности* (economy conditions). Согласно одному из них — *условию минимальной связи* (Minimal Link Condition) — предпочитается наиболее короткие перемещения из тех, что могут привести к лицензированию свойств. Согласно другому условию — *принципу последнего средства* (Last Resort Principle) — перемещение осуществляется лишь тогда, когда без него невозможно лицензирование. Третье условие — *принцип промедления* (Procrastinate Principle), согласно которому перемещения осуществляются как можно позже в ходе вычисления, т. е. предпочитают скрытые перемещения после озвучивания. Еще одно условие — *принцип самоубийственного эгоизма* (Suicidal Greed), согласно которому объект никогда не перемещается ради лицензирования свойств другого объекта, но только ради сверки и стирания своих собственных свойств. Свойства как бы самоуничтожаются — отсюда название принципа.

Во всех естественных языках вычисление осуществляется на основе единого врожденного алгоритма, т. е. с использованием одних и тех же операций и принципов. Но поскольку лексикон во всех языках разный, один и тот же алгоритм приводит к различным синтаксическим реализациям в момент озвучивания ФФ. В частности, в одних языках определенные перемещения осуществляются до озвучивания, в других — после, что приводит к различному порядку слов в предложении.

Язык и смысл

Наименее ясным из вышеизложенного для меня является представление о формировании на начальном этапе деривации исходного множества лексических единиц. Формируется это множество концептуально-интенциональной или какой-то иной системой? Каким образом довербальные ощущения и образы конвертируются в выбор соответствующих лексических единиц? Как множество этих единиц может соответствовать мысли до ее синтаксического оформления? Здесь возможны различные предположения.

³⁵ В некоторых текстах эту операцию называют «Move», в некоторых — «Attract», понимая ее как обобщение операции Move. Ее также можно называть «Attract and Move», поскольку суть ее в *перемещении* лексической единицы *вследствие притяжения* к определенному месту в общей синтаксической конструкции.

Мне приходит в голову следующее: после того, как деривация сходится, система мышления либо принимает, либо не принимает высказывание. Если высказывание соответствует исходному довербальному образу, оно принимается. Если нет — деривация осуществляется заново с использованием других лексических единиц. С позиций генеративизма такое объяснение может быть приемлемым, но вряд ли мы говорим и мыслим именно так. Скорее, мы заранее как-то определяем, какая из известных нам грамматических конструкций будет наиболее адекватной нашей мысли, или выбираем нужную конструкцию из относительно небольшого набора вариантов. Возможно, мы выбираем грамматические конструкции примерно так же, как идентифицируем образы и стратегии поведения, т.е. не путем перебора всех элементов множества, а путем радикального сокращения этих множеств на основе неких практических алгоритмов³⁶. Но такое представление противоречит идее Хомского о том, что механизм порождения высказываний является уникальным специфическим механизмом языка.

Допустим вместе с генеративистами, что ЯСУ не определяет смысл предложений, но лишь оформляет его на основе набора слов и словосочетаний, выбираемых из лексикона. Если фраза на основе данного набора подходит по смыслу, она используется для каких-то целей. Если же сформированная фраза имеет неподходящий смысл, она отбрасывается и забывается, а вместо нее формируется новая фраза, основанная на другом множестве N. Такой механизм мог бы объяснить, как формальный синтаксис способствует появлению новых смыслов: фраза, смысл которой не соответствует исходному намерению, может быть не только отброшена, но и использована, направляя мысль и действие в новом направлении. Высказывания, подобные классической фразе Хомского «Зеленые идеи яростно спят», могут быть истолкованы как бессмысленные, но могут породить новые метафорические смыслы. При этом конечный результат деривации остается функцией выбора слов, который может осуществляться на основе самых разнообразных механизмов не только сознания, но и тела в целом. В частности, выбор лексических единиц может осуществляться путем обработки множества эмоционально значимых прецедентов данной ситуации.

Итак, даже если принять представления МП о языке, то базовые механизмы смыслопорождения могут радикально отличаться от вычислительных алгоритмов ЯСУ. Например, в основе порождения смыслов могут

³⁶ Здесь уместно сослаться на идеи П. Бурдые о том, что люди действуют не в соответствии с правилами, как это представляли структуралисты, а на основании практических стратегий (см.: *Бурдые, П. Практический смысл*. СПб.: Алетей, 2001). Интересно, что генеративистский метод противопоставляет себя структуралистскому дескриптивизму в лингвистике, но имеет с ним общую предпосылку — ориентацию на поиск правил. Различие лишь в том, как понимаются эти правила с точки зрения их онтологии и каким должен быть метод их поиска. Хомский предлагает исходить из формальных гипотез, а не просто обобщать дескрипции, и считает, что искомые врожденные правила являются специфическими для языка. С этой точки зрения, постструктуралистские идеи в философии и социологии больше соответствуют функционалистским концепциям в лингвистике, непосредственно связывающим форму высказывания с его контекстом и прагматическими целями.

лежать метафора и метонимия, причем как на уровне действия и довербального образного мышления, так и на уровне формирования слов и устойчивых словосочетаний (т.е. лексических единиц). Даже грамматические тропы (когда вместо прошлого времени используется настоящее, вместо единственного числа — множественное и т.п.) могут быть объяснены метафорическими заменами на уровне лексикона. С этой точки зрения, моя гипотеза о том, что смыслы речевых актов формируются так же, как смыслы действий вообще, не противоречит представлениям генеративистов о том, что вычислительный механизм ЯСУ принципиально отличается от механизмов действия. Если же генеративисты правы, то специфика речевого акта, в отличие от действия вообще, заключается в дополнительной обработке смысла алгоритмами ЯСУ. То есть ЯСУ может рассматриваться как один из врожденных инструментов действия, которым наряду с другими механизмами может пользоваться человек. Когда действие невербализовано, этот механизм просто не используется.

Другой вариант объяснения — отвергаемый генеративистами, но принимаемый в некоторых других лингвистических теориях — заключается в том, чтобы допустить общность механизмов действия, мышления и синтаксиса. Такое объяснение, в частности, совместимо с представлением о том, что синтаксическое оформление привносит в высказывание дополнительный смысл непосредственно в процессе его формирования.

Генеративисты считают, что ЯСУ является специфически человеческой способностью. Но если она заключается лишь в оформлении мыслей, которые целиком формируются за ее пределами, она не представляет особого научного и философского интереса. Ведь не обсуждаем мы в качестве междисциплинарной и философской проблемы мягкую мочку уха, хотя еще в античности заметили, что она специфична для человека. Человек нас интересует как тот, кто умеет особым, специфическим для него способом мыслить, а языковая способность — как механизм, имеющий отношение к человеческому мышлению. Например, люди, общающиеся на пиджине, т.е. не оформляющие свои высказывания синтаксически, остаются людьми. Можно предположить, что в их внутреннем мышлении участвует родной язык во всей его полноте, включая синтаксис, но они ограничены в средствах внешнего выражения мыслей. С другой стороны, можно предположить, что животные, общающиеся на подобных пиджину языках-посредниках, так же как и маленькие дети, ограничены не столько во внешних средствах, сколько во внутренней способности к мышлению.

В связи с этим следует заметить, что порождение новых смыслов в ходе мышления, скорее всего, связано с постоянными «переводами» с одного «внутреннего языка» на другой, с «переводами непереводаемого»³⁷. Невербальный смысл действия, тактильное и вкусовое ощущение, запах и цвет, визуальный и звуковой образ, вербальное высказывание — все это

³⁷ «Перевод непереводаемого» — это термин Ю. Лотмана, которому принадлежит идея порождения смысла в ходе таких переводов. См.: *Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры, 1990.

переводится на язык друг друга. При этом сам процесс перевода не может не оказывать влияние на результат мышления. Если при вербализации мысли механизм синтаксического вычисления играет лишь второстепенную роль, то главный этап перевода должен осуществляться какой-то другой системой, подбирающей лексические единицы и принимающей решения о смысловой пригодности деривации. Если же способность к рекурсивным синтаксическим операциям, являясь специфически человеческой чертой, играет существенную роль в мышлении, ее механизм может заметно отличаться от предполагаемого генеративистами.